

А Н Г О

САКАГУТИ

*НОВЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ ЭПОХИ
МЭЙДЗИ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Анго Сакагути

**Новые детективные
истории эпохи Мэйдзи**

«Издательство АСТ»

1953-1954

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)я44

Сакагути А.

Новые детективные истории эпохи Мэйдзи / А. Сакагути —
«Издательство АСТ», 1953-1954 — (Эксклюзивная классика
(АСТ))

ISBN 978-5-17-181866-1

Благородного джентльмена Юки Синдзюро – сыщика-любителя, к которому полиция обращается за помощью всякий раз, как сталкивается с невероятно сложным и неразрешимым на первый взгляд делом, – ждут новые увлекательные загадки. Например, загадочное двойное убийство на свадьбе сына мастера боевых искусств, таинственное исчезновение молоденькой служанки ночью во время грозы или необъяснимая смерть хозяина борделя на железной дороге, которую попытались выдать за самоубийство. Изначально печатавшиеся в виде отдельных рассказов на страницах периодических журналов, «Детективные истории эпохи Мэйдзи» завоевали популярность публики и с тех пор легли в основу двух телесериалов, манги и аниме. В данное издание вошли вторые десять из двадцати рассказов оригинального авторского сборника. Все истории публикуются на русском языке впервые!

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)я44

ISBN 978-5-17-181866-1

© Сакагути А., 1953-1954
© Издательство АСТ, 1953-1954

Содержание

История первая. Под градом молний	6
История вторая. Демоническая сила	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анго Сакагути

Новые детективные истории эпохи Мэйдзи

© Перевод. А. Аркатова, 2025

© Перевод. П. Гуленок, 2025

© Перевод. Е. Кизымишина, 2025

© Перевод. А. Палагина, 2025

© Перевод. А. Слащева, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

История первая. Под градом молний

Есть особая порода людей – нелюбители грома. Впрочем, так-то он никому не нравится, но некоторые испытывают к этому явлению природы особое отвращение. Вот среди моих знакомых один настолько терпеть его не может, что как переселился в Ито во времена эвакуации, так и остался. В Ито гром случается всего четыре-пять раз в год, и то где-то далеко, будто лишь подражая настоящей грозе. Правда, теперь этому знакомому три часа добираться до работы, а ведь еще обратно! Впрочем, он готов терпеть неудобства ради спокойствия без «этих жутких раскатов».

В Токио же гроз много. Когда я жил у переправы Ягути, в некоторых местах гром терзал меня немилосердно. Жители тех мест верят, что в Ягути молнии всегда бьют в святилище, что в Мусаси-Нитта. Может, это связано с печальной и бурной кончиной покровителя святилища, а может, и нет – не знаю, но молнии бьют туда действительно часто. Однако во время войны храмовая роща была уничтожена, и теперь грому некуда и ударить. Грозы в Ягути чаще приходят со стороны горы Ояма через Йокогаму. После пяти лет на одном месте я стал это понимать.

Кстати, меня удивил знакомый, который поселился в Ито. Неужели нелюбовь к грому может быть настолько сильной? Он самолично составил карту токийских гроз и отметил, где возникают бури, которые потом обрушиваются на Токио! Он заявил, что у каждой есть свой маршрут, изучил их, и теперь по его карте можно с первого взгляда понять, куда били молнии за последние двадцать лет. Предположим, за двадцать лет в одной местности прошло пятьсот гроз, тогда районы, где было более трехсот, отмечены красным цветом, более ста – оранжевым, более пятидесяти – желтым, более десяти – светло-зеленым, и так далее. При взгляде на эту карту отчетливо видны территории, которые два, три раза подвергались воздействию гроз – а местами попадались крошечные долины, где гроз не случалось вообще. Можно ли в них укрыться от молний?

Как же удалось составить столь необычную карту? Дело в том, что в каждом районе есть главный громоненавистник. Каждый раз, когда случается гроза, он, чуть ли не теряя сознание, судорожно хватает блокнот и карандаш, чтобы записать места, куда ударила молния, а на следующий день проверяет их и обменивается записями с другими «ненавистниками» из разных районов. Связь между громоненавистниками налажена неплохо. Конечно, это не значит, что они объединяются и замышляют заговор против молний, да и личной жизнью друг друга не интересуются, а вот в деле проверки маршрутов гроз и обмена записями проявляют почти легендарную одержимость и единство. Богатые громоненавистники заранее находят гостиницу в укрытии, и как только почувствуют приближение грозы, бросают все и мчатся туда на трамвае или одноиенке. Вскоре туда в спешке почти одновременно врываются еще несколько «коллег» из других мест – одни и те же вечно бледные завсегдатаи. Когда гроза утихает, они, не хвастаясь и не горячась, сами собой расходятся. Порядок, в котором они бегут прятаться в укрытие, почти всегда одинаков: первый, второй и третий почти никогда не меняются. А все потому, что кто-то чувствует приближение грома на час раньше других, кто-то на сорок минут, кто-то на тридцать, но нюх у каждого свой. На самом деле их чутье на грозу надежнее, чем приборы метеостанций, и все же никто не слышал о громоненавистниках, которые преуспели бы в жизни.

Итак, дело было вечером восемнадцатого августа, через месяц после праздника Обон¹. По теории одного громоненавистника, грозы в Токио, как призраки, появляются в непредсказуемое время, но самые свирепые являются под вечер.

¹ Обон – традиционный японский буддийский праздник поминовения предков, во время которого, по народным представлениям, души умерших на короткое время возвращаются в мир живых. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

В ту ночь молния сверкнула около половины девятого. Без громоненавистников никто не мог сказать, когда точно – а таких не нашлось.

Но спор о том, ударила ли молния незадолго до девяти или около восьми тридцати, позже стал предметом обсуждения в истории о доме чиновника по имени Мори Дайгаку в районе Хонго Комагомэ. Район этот славится множеством храмов, в том числе и тем, что связан с Яоя О-сити. Кладбище же находится не у дома Мори, но примерно в половине тѐ².

Хозяин, Дайгаку, сорока семи лет, был важной шишкой в учреждении, которое сейчас называется Министерством сельского хозяйства и лесоводства. С конца прошлого месяца он по официальному поручению уехал на инспекцию на Хоккайдо и не возвращался как минимум до двадцатого числа. Члены семьи, которые остались дома, неминуемо должны были посетить могилы по случаю праздника Обон, а поскольку хозяин пойти не мог, жена Ясуно (34 года) взяла с собой троих детей: Тацуко (15), Хидэо (12) и Тайдзо (7 лет), а также управляющего Имамуру Садзэна (62), его жену Камэдзё (55) и двух служанок – Хацуэ (22) и Савако (17). Все вместе они отправились на родину Мори, в Кюсю, до девятнадцатого или двадцатого числа.

Оставался только старший сын Дайгаку, Юкинари (23 года), две служанки – Саэко (18) и О-Соно (18), конюх Токкити (38) и его жена Раку (36), всего пятеро: хозяин и слуги. Трое из них, хоть и не являлись громоненавистниками, все-таки боялись грома.

– О доме я не беспокоюсь, а вот о грозах – еще как! Вас троих ничем не успокоишь, так что держись, Саэко!

Такое напутствие оставила хозяйка дома, Ясуно, со смехом. Токкити с женой и О-Соно действительно страдали от грома – как только начиналась гроза, они развешивали москитные сетки и прятались в футоны, из-под которых их не могло вытащить ничто: сколько бы ни стучали, ни кричали, ни звали – даже хозяин – они так и дрожали под одеялом, не обращая даже внимания на пот, который лился ручьями. Да, таких непросто было успокоить.

Впрочем, если бы кто-то из супругов Имамура остался дома, беспокоиться бы не пришлось, но в этот раз визит на могилы предстоял крайне важный – без управляющего с женой не обойтись. Однако Токкити и Раку в остальное время вели себя вполне надежно, так что переживать не стоило.

Домик конюха находился во дворе, рядом со стойлом. Пока хозяев не было, Раку оставалась ночевать в комнате для служанок в основном доме. Токкити поужинал вместе со служанками, а затем вернулся к себе, но, когда засверкала молния, мрачно вернулся к служанкам. Следует понять его внутреннее состояние: в одиночку противостоять грому и молниям невозможно.

Вскоре прогремел гром, в комнате для служанок развесили москитную сетку. А поскольку мысль о том, чтобы спрятаться под одной сеткой, воспользовавшись шумом, ни у кого даже не возникла – ведь лучше иметь как можно больше союзников, – слуги быстро постелили три постели и плотно закутались в одеяла, как в раковины, готовые отбить нападение врага. Более действенных мер не допустить вторжения света молнии и уменьшить громкий звук раскатов просто не было.

Позже разразилась сильная гроза, и Саэко стала обходить комнаты, закрывая ставни. Старший сын Юкинари, студент, был на летних каникулах и, пока родителей нет дома, каждый день гулял допоздна, а иногда даже не приходил ночевать. Раньше он редко возвращался домой поздно, а теперь пропадал каждый день и все еще не вернулся. Саэко закрыла ставни во всех комнатах, заперла ворота, оставив открытой только калитку. Кроме того, она постелила в комнате Юкинари и поставила на стол подсвечник с кремнем и фитилем, чтобы юноша, вернувшись, не блуждал в потемках. Рядом с подушкой она поместила глиняный кувшин с водой и чайную чашку.

² Тѐ – около 50 м.

Но откуда все это известно? Потому что, когда Саэко встала, чтобы закрыть ставни в каждой комнате, Токкити из-под одеяла попросил ее запереть ворота, а Раку – постелить Юкинари. Это были их обязанности – возможно, из-за самурайского духа этого дома именно Раку, а не молодая служанка, могла стелить Юкинари.

Когда Саэко вернулась, Токкити, не выползая из-под одеяла, спросил, заперла ли она задвижку на двери, Раку проверила подсвечник на столе и воду у изголовья, а также удостоверилась, что Юкинари еще нет.

Гроза близилась. Ослепительно сверкнула молния – казалось, небо и земля разорвутся. Вот тут-то Юкинари и вернулся домой. Саэко вскрикнула и вскочила. Тогда О-Соно спросила, не вылезая из-под одеяла:

– Что?

Похоже, только она одна не была напугана, поэтому и смогла задать вопрос.

– Кажется, он пришел. Постучали, – ответила Саэко и вышла.

Они сказали, что не слышали стука – но когда страшный ливень барабанил по ставням, троица, плотно завернувшись в футоны, и не могли его слышать. Тем не менее, Саэко ответила, что стучат. Комната Юкинари находилась довольно далеко от комнаты служанок, так что вряд ли в такой сильный ливень и гром можно было услышать стук, поэтому, видимо, юноша специально подошел ближе к комнате служанок. Входная дверь тоже находилась довольно далеко, поэтому Саэко и не услышала, как Юкинари открыл входную дверь, когда возвращался. Иначе она непременно бы встала и пошла его встретить.

Гроза в ту ночь длилась действительно очень долго. Думали, что Юкинари вернулся домой между половиной десятого и десятью часами вечера. Во всяком случае, в самый разгар сильнейшей грозы – молнии будто избрали особняк Мори Дайгаку и разгулялись вокруг, разрывая небо и землю во всех направлениях, то удаляясь, то снова приближаясь, то обходя справа, то возвращаясь слева. Мощная гроза продолжалась вплоть до одиннадцати часов, и только к половине двенадцатого заметно отдалилась. Но даже после полуночи то тут, то там раздавались раскаты.

Саэко долго не возвращалась в комнату служанок. В этот раз Юкинари пришел домой раньше – около половины десятого или десяти. Но поскольку в последнее время его поздние визиты стали делом обычным, ужин приготовили заранее, и остальные решили, что Саэко задержалась, потому что занята на кухне – собирает блюда, относит их в комнату. Никто ничего подозрительного не заметил, и вскоре трое слуг, укрывшиеся от грома, уснули.

Первой проснулась Раку. Гром все еще гремел, и дождь по-прежнему лил стеной. Минут через сорок гроза стала утихать, и, когда гром уже едва слышался, она вышла из-под москитной сетки, зажгла свечу в подсвечнике и взглянула на настенные часы. Без десяти двенадцать. Тогда она разбудила мужа Токкити и сказала: «Иди ложись к себе. Нельзя все время спать у служанок, да и гроза кончается». Когда Токкити, ворочаясь, вставал, еще раз сверкнула молния, а потом, спустя довольно долгое время, послышался отдаленный гром. Токкити на мгновение вздрогнул и сел, но, убедившись, что гром уже далеко, успокоился и ушел. Раку разбудила О-Соно и сказала:

– Ты тоже уснула? А где же Саэко? Уже ведь полночь! Мы тут лежим под сеткой, в футонах, а она может, спит в другой комнате? Теперь, когда гром утих, чувствуешь, как жарко. Все ставни закрыты. Наверное, ей стало душно, вот она и не захотела оставаться здесь.

О-Соно тоже была вся в поту. В другой комнате для служанок Саэко не оказалось. Рядом с ванной располагалась уборная и несколько небольших комнат у черного хода, прохладных и удобных для отдыха, поэтому они решили, что Саэко, вероятно, легла спать там, и снова улеглись. Когда обе уже почти задремали, вдруг раздался громкий всплеск – будто что-то упало в колодец на заднем дворе. Раку думала, что приподняла голову, но на самом деле ее тело, уже почти полностью захваченное сном, не подчинилось.

- Что-то упало, правда? – пробормотала Раку.
 - Да, – ответила О-Соно, но ее голос был еще более сонным и вялым, чем у Раку.
 - Может, это колодец на заднем дворе?
 - Наверное, – ответила О-Соно.
- Ответ прозвучал так безжизненно, что Раку тоже снова погрузилась в сон.
...Вот так и пропала Саэко.

* * *

На следующее утро обе женщины обнаружили, что ни в одной из комнат нет и следов ночевки Саэко. Более того, приготовленный для Юкинари ужин стоял на кухне нетронутым. Но пока это никого особенно не взволновало. О-Соно занялась уборкой, а затем вернулась на кухню, где Раку готовила завтрак, и сказала:

– У входа ужас что творится! Молодого господина вырвало прямо у гэнкана³, кругом грязь! Но его гэта нигде нет. Наверное, испугался грома, выбежал и где-то потерял.

Раку отправилась посмотреть и увидела хаотичные грязные следы, разбросанные по всему полу. Рвота попала на иностранную книгу – видимо, Юкинари наклонился, чтобы облегчиться, и случайно выронил ее.

– Тут и кусочки зеленого лука, и сиратаки, и мясо – прямо все сукияки⁴, что он съел. И что теперь делать с этой книгой?

О-Соно посыпала рвоту золой, собрала и выбросила в отхожее место. Книгу вымыли и повесили сушиться, но, поскольку она всю ночь пролежала под грязью, бумага испортилась. Дверь у входа оказалась незапертой, и засов на калитке тоже не задвинули – наверное, Юкинари был сильно пьян.

Что же касается следов, то местами будто кто-то пытался их стереть. Но, видимо, в темноте сделать это как следует не удалось.

– Видишь, он, значит, действительно пришел сюда, чтобы постучать в дверь.

Следы вели почти до самой кухни. Но возле входа грязи оказалось особенно много – видно, кто-то долго возился. Да и по следам рвоты можно было догадаться, что случилось.

– Может, это Саэко в темноте пыталась вымыть пол? Да так толком и не оттерла, – пробормотала О-Соно. Она пошла по следам до самого входа в комнату Юкинари и тщательно вытерла все. Комнаты располагались так: за гостиной для приема посетителей шла молельня, а за ней – комната Юкинари. И тут О-Соно увидела, что в гостиной, в нише токонома⁵, разбиты два предмета – селадонная ваза и большое декоративное блюдо. Считалось, что это блюдо работы Какиэмона, а селадон – редкая китайская вещь. Мори Дайгаку, глава семьи, обожал фарфор и имел в коллекции немало выдающихся образцов, но эти два предмета были его особой гордостью. Служанкам строго-настрого велели обращаться с ними с величайшей осторожностью. И О-Соно при виде разбитого фарфора побледнела как полотно. В смятении она позвала Раку. Обе застыли от ужаса и долго не могли вымолвить ни слова. И разбитые семейные реликвии, и исчезновение Саэко, которое пока не вызывало серьезных опасений, вдруг предстали как нечто страшное, как знак грянувшей беды.

Да еще тот звук, когда что-то упало в колодец на заднем дворе...

³ Гэнкан – традиционная зона при входе в японское жилище, служащая переходным пространством между улицей и внутренними помещениями. Здесь принято снимать обувь и оставлять ее на специально отведенной ступени или полке.

⁴ Сукияки – популярное японское блюдо, представляет собой тонко нарезанную говядину, которую тушат вместе с овощами, тофу, грибами и лапшой в сладковато-соленом соусе. Традиционно ингредиенты готовятся непосредственно за столом в общей посуде, а затем обмакиваются в сырое яйцо перед употреблением.

⁵ Токонома – декоративная ниша в традиционном японском доме, предназначенная для размещения свитка с живописью или каллиграфией (какэ-дзюку), а также цветочной композиции (икебана) или других символически значимых предметов.

Любой японец бы ощутил недоброе, а уж для служанок ощущение было особенно острым. А уж если дело касается разбитого фарфора – это очень напоминает старинную легенду о Бантё Сараясики⁶!

Женщины оцепенели от ужаса – и каждая понимала, что чувствует другая. Однако конюх Токкити не терял присутствия духа.

– Эй, слышите? Вчера, когда я уже собирался лечь у себя, я услышал сильный плеск. Кажется, прямо из колодца, хотя, кто знает...

Не дослушав, обе женщины уже были готовы взмолиться: «Хватит! Замолчи!»

Ближе к полудню наконец проснулся Юкинари. Ему показали разбитые драгоценные вещи и спросили, не заметил ли он чего-нибудь накануне.

– Хм... вот тебе на, – произнес он.

Юноша опустил голову, словно раздумывая. Бледность его лица можно было бы объяснить жестоким похмельем. Он сидел, погруженный в тяжелые мысли, будто сам разбил эти вещи.

– Это Саэко, – наконец произнес он. – Испугавшись грома, видно, оступилась и упала прямо на них... И еще она плакала.

Она плакала. Теперь только это и имело значение. Боль и слезы Саэко женщины ощущали так ясно, что по спине бежал ледяной холодок.

Токкити, конечно, был человеком добродушным, но страшным трусом. Он не смог бы спуститься в колодец, зная, что там лежит тело Саэко. Поэтому ему оставалось лишь обратиться в полицию – и вскоре пришли старший полицейский, молодой констебль, а с ними – колодезники. Больше всех удивилась Раку.

– Вот так мой никчемный муженек! Без разрешения господина полицию позвал!

Она поспешно оставила полицейских и колодезников ждать и побежала к Юкинари. Тот в это время сидел в гостиной и ел поздний завтрак, а О-Соно прислуживала ему. Но, стоило ему услышать «на заднем дворе»...

– Э?... – воскликнул Юкинари.

Он вздрогнул, лицо его вытянулось – сначала от недоверия, потом от пронзившей его страшной догадки.

– На заднем дворе... – повторил он, но не смог договорить слова «колодец». О-Соно и Раку тоже не осмелились произнести это страшное слово. Поэтому все трое оцепенели от ужаса.

– На заднем дворе... Понятно... Значит, полицейский... Так вот как... Что ж, ничего не поделаешь... – бормотал Юкинари глухо, будто разговаривая сам с собой. Говорил он невнятно, тихо, почти неразборчиво, будто изнуренный болезнью. Вскоре он уронил палочки для еды и замер, опустив голову. Так он просидел долго, а потом вдруг, хотя почти ничего не съел, резко встал и, пошатываясь, направился к себе.

Когда О-Соно принесла ему чай, Юкинари неподвижно сидел за письменным столом.

– Простите, вы больше не будете есть? – робко спросила она.

Но Юкинари не ответил, а лишь спросил:

– Кто-то видел, как Саэко прыгнула в колодец на заднем дворе?

– Мы все слышали всплеск. Никто не видел, но... это как в той легенде о Сараясики.

И в этот самый момент, словно у него закружилась голова, Юкинари вздрогнул и со вздохом прошептал:

– Так вот оно как... Вот как было в той легенде...

Он съежился и опустил голову.

⁶ Легенда о призраке девушки, несправедливо обвиненной в разбитии тарелок.

Но странное дело: когда рабочие проверили колодец, тела служанки там не обнаружилось. После сильнейшего ливня уровень воды заметно поднялся и донырнуть до дна было невозможно. С помощью шеста удалось выяснить, что глубина воды – четыре с половиной кэна⁷, так что нырнуть бы не получилось. Колодезник потыкал шестом, обследуя дно, но ничего не нашел. Старший полицейский, осмелев, сказал «Что ж», разделся до фундоси, спустился в колодец и стал мешать воду.

– Я из Босю, – сказал он, – видел, как это ныряльщицы делают. Если привязать к человеку камень в четыре-пять канов⁸, можно спокойно опуститься на дно и осматривать его. А потом отпустишь камень и легко всплываешь.

Он приказал двоим колодезникам подготовить страховочные пояса и при необходимости тянуть за них, по очереди давал им камни, и велел обследовать дно. Сам он трижды погружался таким образом – и в конце концов убедился, что в колодце нет никакого тела.

– Значит, сюда никто не бросался. Есть ли еще колодцы в округе?

Конечно, в те времена в каждом доме имелся колодец.

В доме Мори на кухне был земляной пол с колодцем. Кроме того, рядом с конюшней располагался еще один. Их обследовали – и нигде не оказалось тела Сазэко. Обыскали колодцы всех соседних домов – но и там ее не нашли.

– Тогда, наверное, она бросила камень в колодец, чтобы все подумали, что она утопилась, а сама сбежала домой. Где она живет?

– Ее семья разорилась, родственников почти нет. Остался один брат, который живет у родителей О-Соно, то ли гостем, то ли как постоялец. Правда, О-Соно? У нее ведь больше нет родичей?

– Понятно. Тогда проводи нас до дома О-Соно и проверь – если он там, приведи его, – дал указание полицейский молодому констеблю, и тот, с О-Соно в роли проводника, отправился в Ситая.

* * *

Брата Сазэко звали Ёри Дзютаро. Ему было двадцать пять лет и он учился в университете. Из-за нужды он поступил в университет позже, поэтому оказался немного старше своих однокурсников, но при этом – одаренный, смелый, пылкий молодой человек, любящий справедливость и решивший посвятить себя защите слабых и бедных, то есть – настоящий герой.

Члены семьи О-Соно, прямые потомки Курумы Дзэнсити, издавна занимали пост вождя хинин. Однако по настоянию Дзютаро нынешний вождь пять лет назад бросил это дело и открыл аптеку. На самом деле Дзютаро начал изучать жизнь нищих и пытаться направить их к честному труду в семнадцать лет. Однако единственным, кто прислушался к его совету, был отец О-Соно – Курума Тёкуро. Он открыл аптеку, обучал всех желающих из своего круга искусству уличных торговцев, а также снабжал лекарствами нищих, стремясь сначала вылечить их, а потом помочь найти честную работу. Но поскольку сложно бросить в три дня то, чем занимались поколения предков, никто не желал менять своего занятия. Они родились нищими и не тяготились своим положением, так что и прекратить сразу не могли.

Курума Тёкуро разочаровался из-за того, что другие нищие не брали с него пример, и убедил Дзютаро не бросать учебу, чтобы посвятить себя нищим. Однако Дзютаро открыл небольшую школу в квартале нищих и обучал детей с расчетом на то, что когда те вырастут, квартал постепенно исчезнет. Он попросил единоверцев-христиан, Иمامуру Садзэна и его жену, взять Сазэко и О-Соно на службу в дом Мори. Дело в том, что Иمامура Камэдзё из бед-

⁷ Кэн – около 1,81 м. Здесь – 8 м.

⁸ Кан – примерно 3,75 кг. Здесь – 15–18 кг.

ного самурайского рода вышла замуж за такого же бедного самурая Садзэна и зарабатывала у Мори на жизнь скромные деньги. Но Камэдзё также была известна как поэтесса и знаток каллиграфии, икебаны, чайной церемонии и кулинарии. Ее глубоко почитали, и она не брала учеников, жила в бедности, и те, кто знал это, видел еще большую простоту. Поскольку Камэдзё пользовалась такой репутацией, она могла смело поручиться за Сазэко и О-Соно, чтобы их взяли в дом Мори для обучения этикету. Поскольку она не брала учеников и не держала дома служанок, то доверила этих двух девушек Мори, чтобы там их обучили хорошим манерам. Господин Мори несколько не удивился, узнав, что девушки происходят из бедных слоев, а вот его жена Ясуно и дочь Тацуко отнеслись к О-Соно и Сазэко с неприязнью. Особенно Тацуко завидовала девушкам из-за их красоты, доставляла им всяческие неприятности и подвергала унижениям. Старшая служанка Хацуэ воспользовалась этим и подстрекала ее. Тацуко уговорила родителей нанять к себе в личные служанки бедную самурайскую девушку Савако и порой говорила:

– Савако из самурайского рода, поэтому она будет за нами ухаживать. Хацуэ тоже из семьи горожан, с ней все в порядке. А вы, обе, – грязные паршивки из нищих, так что даже не приближайтесь к нашей комнате.

Студент Юкинари был братом Тацуко по отцу, от первой жены, и Тацуко ревновала, когда он отдавал Сазэко или О-Соно какие-либо распоряжения, пыталась помешать ему и замышляла посеять между ними вражду. Сазэко приходилась младшей сестрой Дзютаро. Ее брат жил в квартале нищих. Семья их обеднела, однако он оставался законным потомком феодального самурайского рода. Но поскольку Сазэко раздражала девушек, они тоже считали ее нищенкой.

Супруги Имамуре пытались защищать девушек, но на самом деле старые привычки и предрассудки у них еще сохранялись, и спокойно отнестись к тому, что Сазэко и О-Соно из нищих, они не могли. Девушки, пусть совсем еще юные, ощущали это и понимали, что Имамуре Камэдзё – не такая уж и возвышенная поэтесса, преданная учению Бога. Зато конюх Токкити и его жена были куда свободней от предрассудков и не делали разницы между самураями и простолюдинами.

Итак, узнав, что Сазэко разбила драгоценный фарфор и скрылась, Дзютаро решил: его сестра, хоть еще и юна, строго соблюдает учение Бога, знает свои обязанности, и в случае ошибки не стала бы действовать неправильно. Вряд ли она специально разбила тарелки и скрылась в бегах, но если это правда – он должен найти сестру, заставить извиниться и наставить на будущее. А если она невиновна – необходимо выяснить правду и восстановить ее честь.

О-Соно считала Дзютаро величайшим человеком на свете и прежде всего хотела, чтобы Сазэко, его сестра, была ее лучшей подругой. Возможно, одной из причин такой близости стало ее трепетное чувство к Дзютаро. Ее также возмущало, что Дзютаро мог усомниться в Сазэко, и, не боясь полицейского, она сказала:

– Не могу поверить, что Сазэко разбила фарфор. Я никого не подозреваю, но здесь следы двух человек, размеры разные: побольше и поменьше. Наверняка что-то произошло.

– Но ведь Сазэко могла споткнуться о цветочную вазу и упасть на нее в темноте.

– Нет, Сазэко уходила со свечкой. Я хоть и лежала под футоном, но видела через щелочку, что стало темнее, когда она ушла.

– А может, Сазэко пыталась убежать с фарфором, а Юкинари ее догнал, и они оба вышли босиком, а потом вернулись. Следы беспорядочные, большие и маленькие.

– Но я не думаю, что это следы Сазэко. Раку, которая убирает постель, попросила меня помочь, потому что кровать грязная. В шкафу, куда складывают одеяло Юкинари, был еще один футон, тоже грязный. Раку развернула его и увидела, что там еще больше грязи. А еще очки. Юкинари очков не носит, а Сазэко мужские очки тоже не надела бы. Видимо, какой-то грязный мужчина ночевал там и ушел на рассвете.

Новость всех ошеломила. Молодой констебль по имени Тояма, казалось, проникся симпатией к О-Соно, а потом и к Дзютаро. Узнав о прошлом и социальном положении Дзютаро, Сазко и О-Соно, он, похоже, был очень тронут.

– Понимаю, возможно, дело серьезней, чем нам казалось. Судя по вашим рассказам, Сазко не могла просто убежать и скрыться. Но если нет тела, что тогда произошло? Я подам рапорт и пусть проведут расследование. В любом случае, раз ваша сестра пропала, прошу вас явиться в участок.

– Понимаю. И если я могу помочь расследованию, то прошу вас. Виновата сестра или нет, но как брат я обязан выяснить правду.

Итак, все трое пошли в полицию. Дзютаро прошел формальный допрос, а детектив-инспектор Саса, который спускался в колодец, посчитал подозрения Тоямы обоснованными и приказал провести дальнейшее расследование. После этого трое направились в особняк семьи Мори.

Когда Дзютаро посмотрел на книгу, которая сушилась от рвоты, это оказался Шекспир. На ней была подпись латиницей: К. ТОСНЮ. Когда они спросили о друге по имени Тошию, Юкинари уже вышел, но Раку и О-Соно знали этого Тошию. К счастью, они знали и его адрес в районе Хакусан-сита. Они заявили к нему домой, и он подтвердил, что книга принадлежит ему, но добавил:

– Эту книгу я вчера одолжил Токиде. Токида, Мори и Кавамата пришли ко мне поболтать, так что я дал книгу Токиде и все четверо пошли в ресторан «Хагэ Тако» в Хакусан-дзё, где подают конину. Токида талантливый парень, но ему нельзя пить. Напьется, теряет контроль, ввязывается в ссоры, бывает груб. Вчера произошло именно так. Когда началась гроза, мы разошлись, но Токида напился, поэтому Мори увел его. Все напились. Кавамата подвез меня, так что знает, что я не с Мори.

Поскольку Хакусан-дзё находится рядом, полицейский Тояма и Дзютаро отправились в «Хагэ Тако». На вывеске значилось «Сёсэй набэ», и главным блюдом было набэ⁹ с кониной. Эти четверо часто навещали заведение, поэтому хозяин, конечно, их знал.

– Да, Токида иногда ввязывается в ссоры. Обычно он умный и рассудительный, но как напьется – другой человек, с ним не справиться. Ссора – это ерунда. Так-то они все друзья.

– А с кем поссорился?

– Да с другом. Внутри компании. Тошию и он – хорошие друзья, оба умные, не драчуны. Напьются – спорят. Обычная перепалка.

– Да мы не предполагаем, что они сделали что-то плохое, их проступки нас не интересуют. Один из них просто исчез, и родственники попросили провести расследование. Вот мы и спрашиваем о его передвижениях прошлой ночью. Также хотелось бы услышать о той перепалке.

– А. Тогда понятно. Тошию только что приходил зонтик отдать, значит, Токида куда-то делся. Молодой человек, что тут скажешь – неудивительно, если где-то еще ночует.

– Да уж. На самом деле у него сегодня важное событие – смотрины, что ли. Поэтому родственники и попросили найти его местонахождение, что, признаться, довольно необычно для полиции.

– Понятно. Ну, а прошлой ночью он ничего об этом не говорил! Ха-ха, смешно. А повод для ссоры-то оказался пустяковым. У Мори все уехали на родину, Обон встречать, осталась только та девушка и еще слуги. Из них трое ужас как боятся грома. А девушка, говорят, очень красивая. Когда началась гроза, пьяный Токида попросился к Мори переночевать. Вот они остались со служанкой наедине. Поэтому он захотел, чтобы та взяла его за руку. Вот почему

⁹ Набэ – общее название в японской кухне для блюд, которые готовятся и подаются в одной общей кастрюле (горшке), установленной прямо на столе.

Тошио разозлился. Не Мори, а Тошио, неважно. Он сказал Тошио, что хватит, и ударил его пару раз. А Токида был пьян, на ногах едва держался. Мори, вероятно, повел Токиду домой и при этом взял с собой бутылку дешевого сакэ. Дождь еще не начинался. Тошио и Кавамата остались еще ненадолго, а потом началась гроза. Они собирались дожидаться, пока она кончится, но не успели, взяли зонтик Мори и ушли примерно через час. Что? Когда дождь начался? Моросить стало минут через десять после ухода Токиды и Мори, а потом и загрохотало. А как они ушли – началась такая гроза, какой я в жизни никогда еще не слышал!

Теперь они узнали, что участником ссоры был Тошио, удары наносил тоже Тошио, судя по насмешливому тону. Верно, Токида до того опьянел, что едва держался на ногах, не смог дойти домой и остался у Мори. Грязные следы на крыльце это подтверждали, но по рассказу из «Хагэ Тако», дождь начался примерно через десять минут после ухода, а стук в дверь, после которого Саэко поднялась, пришелся на пик грозы, то есть прозвучал не раньше, чем через час после их ухода. От «Хагэ Тако» до дома Мори пешком идти три-пять минут; даже вместе они бы вряд ли потратили больше двадцати – тридцати минут.

– Странно. Постучали-то, похоже, в разгар грозы. Если ссора возникла из-за Саэко, а Тошио дрался, то, возможно, он давно испытывал чувства к Саэко. Если все знали, что трое слуг до жути боятся грома, можно заподозрить, что Тошио тайно пробрался с какой-то целью. Тогда наличие у него книги неудивительно. Он утверждает, что дал книгу Токиде, но его насмешливые слова доверия не вызывают. Впрочем, сначала стоит встретиться с Токидой.

Полицейский Тояма был молод, но внимателен. Дзютаро согласился, что в его словах есть логика. Но ведь Тошио не носил очки.

– А кто из четверки носил очки?

Хагэ Тако задумался:

– Похоже, только Токида. Да-да. Пьяные часто теряют очки. Когда Токида уходил, его несли, и он их уронил. Молнии тогда сверкали, Мори их подобрал.

– Они конину ели?

– Да, больше ничего мы не подаем.

– Кого-нибудь вырвало, пока они были здесь?

– Не заметил. Не стану же я ходить за каждым в уборную!

– А кому принадлежала книга?

– Студенты постоянно ходят с книгами. Я не следил.

Хагэ Тако казался раздраженным, но инспектор Тояма заметил, что в его ответах есть важные детали. Очки – особенно важная деталь. Значит, Токида ушел в очках.

Дом Токиды, вдвое больше, чем и «Хагэ Тако», и дом Мори, находился ровно между ними. Родители Токиды умерли, но в добром здравии пребывал дед. После окончания университета Токида в следующем же году готовился унаследовать семейное дело. Судя по всему, семья была богатая. Слуги вели себя безупречно и уже считали Токиду хозяином. Токида, только что вошедший в просторную гостиную в западном стиле, услышав от офицера Тоямы слова служанки, пришел в замешательство, а потом принялся все отрицать.

– Токида, я слышал, что вы носите очки. Где они? – спросил Дзютаро, но Токида, побледнев, вскинул голову и смерил его гневным взглядом.

– Очки в комнате. Довольно пустяков, говорите по делу.

Тояма продолжил:

– Вообще-то в этом и заключается вопрос. Ваши очки, кажется, нашлись в странном месте.

Токида спокойно слушал, пока Тояма не сказал:

– На самом деле их достали со дна колодца на заднем дворе Мори.

Лицо Токиды аж искривилось от удивления. Он вытаращил глаза и воскликнул:

– Со дна колодца? Я не знаю никаких колодцев! Я никогда не терял очки!

– В самом деле? Тогда покажите ваши очки.

Лицо Токиды исказилось, но он быстро взял себя в руки. Оба наблюдающих заметили это, а когда он пошел за очками, его шаги стали неожиданно тяжелыми и печальными. Прошло десять минут, но Токида все еще не возвращался. Тояма быстро обулся и вышел. Он обошел задние ворота и, подглядывая через кусты, увидел, как выбежала служанка, а затем вернулся в гостиную.

В этот момент появился Токида в очках:

– Я вчера напился и разбил одно стекло, поэтому отдал их в починку. Служанка только что принесла.

Возможно, он заранее подготовился, зная, что Тояма будет наблюдать. Тот был разочарован. Провал! Перед встречей с Токидой стоило спросить служанок, когда тот вернулся прошлой ночью и куда дел очки. Не стоило узнавать это у самого Токиды. С тех пор на любые вопросы он отвечал лишь:

– Спросите у служанки, если сомневаетесь.

Тояма думал, что, воспользовавшись слабостью врага, он одержал победу и обратил противника в бегство. Но вместо этого Токида использовал ситуацию в свою пользу: отправил одну служанку за очками и одновременно собрал остальных для согласования алиби. Поэтому ничего не оставалось – только удалиться.

Когда они вернулись в усадьбу Мори, О-Соно выбежала им навстречу.

– Мы выяснили нечто важное. Дом управляющего Имамуры находится позади нашего, прямо напротив колодца. Его сын, Короку, слышал плеск воды в колодце. Он семинарист, очень ревностный христианин, учился почти до двух часов ночи. Плеск его напугал, поэтому он встал и выглянул наружу. Его комната на втором этаже, поэтому поначалу он ничего не увидел, но потом ударила молния и он разглядел две фигуры, удаляющиеся от колодца. Кто именно это был – он не определил, уверен лишь в том, что это двое мужчин.

Оба полицейских опросили Короку, и он подтвердил слова О-Соно. Колодец находился у забора на заднем дворе особняка Мори, немного в стороне от главного дома, но очень близко к дому Имамуры, прямо под комнатой Короку. Когда дождь прекратился, Короку открыл ставни. Он читал при свете небольшой свечи, когда вздрогнул от плеска и посмотрел вниз. В этот момент сверкнула молния, и он увидел, как двое мужчин двигались вдоль забора у колодца. Но вскоре все снова погрузилось во тьму, и больше он ничего не видел и не слышал – ни шагов, ни разговоров.

Факт был весьма странный. В колодце ничего не оказалось: так что же случилось?

Когда они вернулись в участок и доложили заместителю инспектора Сасы, тот тоже покачал головой:

– Действительно, весьма странно. Но я слышал и о других странностях в доме Мори. Один ростовщик из Асакусы сказал, что примерно десять дней назад они заложили подлинный редкий сервиз «Мукадэ», из-за которого когда-то даже начиналась война. Сейчас он находится в доме Мори, и коллекционеры это знают. Поэтому поступили сведения, что его украли. Это было вчера, а сегодня утром документы из полиции Асакусы передали сюда. По-видимому, заложила его гейша по имени Кокати из Мукодзимы. Не могли бы вы выяснить, что произошло?

Тояма получил такой приказ, но, наученный горьким опытом, переоделся в штатское и вместе с Дзютаро стал осматривать окрестности, не обращаясь напрямую к Кокати. Кокати была одной из красивейших гейш квартала, ее покровитель даже подарил ей домик, и она приютила там гейшу по имени Якко, с которой, наверное, сблизился Юкинари. Якко, говорят, дружила с гейшей Косэн, которую сопровождал богатый студент университета, то есть наверняка Токида. По всей видимости, Токида познакомил Юкинари с кварталом красных фонарей и подружился с Якко; но, в отличие от Токиды, денег на траты у него не было, и он приносил

по одной-две вещи из дома, чтобы заложить у Якко. Что же до знаменитого сервиза «Мукадэ», то ростовщик, вероятно, сообщил о нем, остерегаясь проблем. Но на самом деле то же лицо уже закладывало немало предметов.

Тояма и Дзютаро пустили в ход всевозможные уловки и после трех дней собрали необходимую информацию. Оставалось лишь проследить, где развлекаются Токида и Юкинари. Радостные, они вернулись в участок для отчета. Как только инспектор Саса увидел Тояму, он воскликнул:

– Эй, где вы шастали? Поступил новый отчет из ломбарда Асакусы: тот самый знаменитый сервиз уже выдан обратно тому, кто его заложил. Это случилось в ночь, когда я приказал тебе идти на расследование. Чем вы занимались до сих пор?

На этот раз Тояма действовал осторожно и не стал напрямую встречаться с ростовщиком или самим этим человеком. Но именно из-за этого снова произошла неудача.

Тояма был совершенно подавлен и в следующий выходной уныло сказал об этом Дзютаро. Тот его утешил:

– Ничего не поделаешь. В любом случае давай проследим и выясним, где развлекается Юкинари.

– Нет-нет, уже не получится. Родители вернулись из поездки дня три назад. Теперь он не сможет гулять так открыто, как раньше.

– Но ведь при родителях он никогда не ночевал вне дома. Значит, у него есть веская причина. Вот и выясним какая.

– Верно, тогда пойдем посмотрим.

Они снова стали расспрашивать окружающих и через три дня выяснили, что мужчина, похожий на Юкинари, когда не был с Токидой, встречался с женщинами в маленьком ресторанчике «Канэман». В нем рассказали:

– Да, верно. Господин Мори с марта приходил сюда, чтобы ждать девушку. Обычно по воскресеньям. Никогда не оставался на ночь. Девушке лет восемнадцать, она очень красивая, совсем не из публичных домов. Гейша? Ни в коем случае. Даже христианка. Видимо, вместо церкви по свиданиям бегают. Современные девушки весьма хитроумные. Нет, вместе они не приходили.

Услышав это, Дзютаро ощутил, будто падает в бездну. Саэко и О-Соно не могли ходить в церковь каждое воскресенье, поэтому ходили по очереди. И сам Дзютаро был так занят, что тоже не мог ходить. Никто не знал, чем занималась Саэко до и после церкви.

Вот это да! Он-то надеялся, что двое мужчин как раз устроили какой-то фокус с колодезцем, чтобы доказать невиновность сестры – а оказывается, что та, наоборот, участвовала в развлечениях Юкинари. И даже если того обманули, то Саэко, вероятно, была его соучастницей. Логично, что труп в колодце не обнаружили. Возможно, она где-то скрывается.

Дзютаро тоже расстроился.

– Что ж, в таком случае, все потеряно. Если моя сестра окажется подозреваемой, это ляжет несмываемым позором. Нужно обратиться к лучшему детективу Японии, чтобы он раскрыл правду как можно скорее и мы могли бы загладить свою вину.

Тояма тоже не знал, как его утешить, поэтому они направились вместе к Юки Синдзюро, полностью изложили ему ход предыдущего расследования и попросили помочь в установлении истины.

* * *

Синдзюро выслушал их историю и миролюбиво произнес:

– Вы проделали хорошую работу. Я и сам бы расспрашивал примерно в таком же порядке тех же людей. Но вы всегда объединяете факты, которые выявляете. А я так не делаю. Напри-

мер, когда вы слышали плеск воды в колодце, молнии осветили двоих мужчин, а на свидание в ресторане ходили Юкинари и Саэко. Но зачем объединять эти два факта? Ведь если молния осветила мужчин, надо выяснить, кто они, и только. Вы выяснили, кому принадлежат очки, и установили, что Юкинари действительно их потерял, но почему потерянные очки оказались в грязном футоне у Мори? На вашем месте я, конечно, сначала проверил бы следующее...

И Синдзюро привел такой список:

1. О-Соно утверждает, что Саэко ушла с подсвечником. Где он оказался?
2. Хагэ Тако сказал, что Юкинари взял бутылку дешевого сакэ – куда она делась?
3. Следы, ведущие почти до кухни, – большие или маленькие?
4. Вытирали ли чем-нибудь следы?
5. Что Юкинари надевал в тот самый день, где и в каком состоянии находилась его одежда на следующее утро?
6. Что именно пропало в доме Мори?
7. Были ли другие вещи, кроме чайного сервиза «Мукадэ», которые Юкинари, возможно, закладывал у ростовщика?
8. За какую сумму закладывали сервиз?
9. Где сейчас находится сервиз?
10. Действия Юкинари в ночь, когда сервиз был заложен.

Затем Синдзюро сказал:

– Вот что вам стоило расследовать и что вы упустили. Разберитесь с этим. Кроме того, каждый раз, когда вы осознавали, что ошиблись и вас обхитрили, вы меняли подход, но это приводило к еще более крупным ошибкам, о которых вы и не подозревали. Я разберусь с этим до вашего следующего визита. Ну что ж, встретимся через три дня.

...Прошло три дня. Ответы на десять пунктов, которые собрали Дзютаро и Тояма, оказались следующими.

1. Подсвечник, который унесла Саэко, находился на домашнем алтаре. Комната с алтарем располагалась между спальней Юкинари и гостиной, где были разбиты фарфоровые тарелки.
2. Пустая бутылка от сакэ лежала перед храмом Эмма-до, на краю кладбища на пути от Хагэ Тако к дому Юкинари. Внутри уже два месяца тайно проживал один нищий. С помощью хитрых приемов Дзютаро удалось вывести у него правду о произошедшем. Похоже, что двое сидели в храме, пили сакэ и ушли только после сильной грозы. Когда они ушли, нищий поспешил выйти, бутылка валялась почти пустая, а один сильно напился.
3. О-Соно не помнит, были следы большими или маленькими. Она стерла их, не обратив внимания на размер.
4. Ничего, что могли использовать для стирания следов, не обнаружилось.
5. Мокрую одежду Юкинари бросили в углу комнаты. Похоже, он лег спать в пижаме, и, возможно, поэтому его футон был не так грязен, как те, что в шкафу.
6. Пока неизвестно, что именно пропало в доме Мори.
7. До залога сервиза «Мукадэ» Юкинари не выкупал вещи. Вместе с ним были возвращены все остальные вещи: небольшой нож, маска но и тарелка из

цветного набэсима. Эти три вещи вместе с процентами стоили около пятисот пятидесяти иен.

8. Чайный сервиз «Мукадэ» был заложен всего за пятьсот иен. Служанка получила указание, что этой суммы достаточно.

9. Сейчас чайный сервиз «Мукадэ» находится в доме Мори, заявил Мори Дайгаку. Похоже, он не знал, что кто-то заложил его во время его отсутствия.

10. Заложив сервиз, Юкинари вернулся домой около полуночи. Это была первая ночь после исчезновения Саэко, поэтому оставшиеся слуги, включая Токкити, ждали его в комнате служанок, планируя не спать до утра. Юкинари пришел с пустыми руками. И после этого он не приносил ничего.

Вот и все. Синдзюро внимательно прочитал отчет и кивнул:

– Вы хорошо поработали. По результатам вашего расследования стало известно множество важных вещей.

– Каких это?

– Почти все. А теперь я сообщу, что сам выяснил. Это письмо из полиции района Мукодзима от сотрудника отдела регистрации книг посемейной записи. Отсюда известно, что хозяйка ресторана «Канэман» находится в пятой степени родства с Кокати, у которой служит Якко, и обе они связаны с «Канэман». Их отношения продолжаются до настоящего времени. Это результаты полицейского расследования.

– Что это значит? – с тревогой спросил Дзютаро.

Синдзюро улыбнулся:

– Вы слишком серьезны, наверное, переживаете за свои домыслы. Разумеется, если Кокати и хозяйка ресторана связаны деловыми отношениями, то стал бы Юкинари, влюбленный в Якко, назначать другой женщине свидания в «Канэман», чтобы Кокати и Якко об этом узнали?

– То есть вы считаете, что слова хозяйки нельзя принимать за чистую монету? – уточнил он.

– Как знать. Но к счастью, мы выяснили кое-что очень важное. Смотрите-ка, в вашем отчете говорится, что не найдено ничего, чем могли бы вытирать грязные следы. Это удачное наблюдение. Все это чрезвычайно важно, и как хорошо, что вы все это выяснили одновременно.

Веселое возбуждение Синдзюро казалось почти игривым. Но оно прошло, он стал спокойным, словно другой человек:

– До следующего дня мы узнаем еще более важные вещи. И это все благодаря вашему расследованию. Приходите к полудню. Возможно, уже завтра дело разрешится.

– Сестра невиновна? – с тяжелым сердцем спросил Дзютаро.

Синдзюро долго не мог ответить.

– Да, она невиновна, – прошептал он.

Он мягко сжал руку Дзютаро:

– Я давно знал имя уважаемого Ёри Дзютаро. Вы – как солнце. Действительно как само солнце. Нельзя даже представить, что солнце может потемнеть. Ваша жизнь светит миллионам людей в Японии. Нельзя забывать об этом.

Затем он обратился ко всем присутствующим:

– Завтра собираемся в полдень.

После этого он что-то тихо сказал старому полицейскому Фурите.

* * *

Перед Кайсю послушно стоял Тораноскэ. Синдзюро на этот раз сразу понял, что происходит, а вот Тораноскэ не имел ни малейшего представления о случившемся. Хананоя, похоже, был в такой же растерянности и лишь хитро улыбался и как будто совершенно не хотел разговаривать, что казалось странным и забавным. Короче говоря, он и на этот раз полностью растерялся и не знал, что делать.

И вот настал редкий шанс обойти Хананоя. Тораноскэ закончил рассказ и с нетерпением ждал, что скажет Кайсю. Ему хотелось буквально вытащить ответ из учителя. Тот взял нож, как обычно, чтобы выпустить «плохую кровь», – и сегодня это заняло непривычно долгое время. Похоже, на этот раз даже Кайсю оказался в затруднении.

Когда он закончил с «плохой кровью», то убрал нож и сказал:

– Саэко невиновна, но, скрываясь по просьбе Юкинари, она стала невольной соучастницей его злодеяний. Саэко сама не понимала этого, но оказалась втянутой в его проступки. Разбитые фарфоровые изделия – вина пьяного Токиды. И Юкинари, возможно, намеренно спровоцировал Токиду, чтобы тот их разбил. Вот и вся суть. Потом они взвалили все на Саэко и сделали так, чтобы она исчезла. Токида думал, что это все из-за нее, а она решила, что виновата, и пропала. Возможно, даже умерла. И это из-за ошибки Юкинари. Так он шантажирует Токиду. Наверное, деньги, полученные в залог, направлялись в счет шантажа. Возможно, мотив – жадность. Плеск воды как раз не имел цели показать, что Саэко бросилась в воду, – все наоборот. Любой слуга, увидев разбитую ценную посуду, подумает о Сараясики. Саэко, ошибочно приняв свою вину на себя, тихо вышла из дома, но выглядело все так, что она бросилась в колодец. На самом деле, чтобы напугать Токиду, его подвели к колодцу и проверили, нет ли там тела, бросив туда камень. Вот откуда и плеск воды. Это все, чтобы выбить из Токиды деньги. Юкинари – настоящий злодей. Он соблазнил молодую девушку. Саэко, может быть, и не без вины, но она настоящая жертва Юкинари.

Когда Кайсю закончил говорить, на его лице появилась едва заметная, непостижимая загадочная улыбка, словно на мгновение улыбнулась статуя. Тораноскэ вздрогнул и почувствовал ужас, как будто его внутренности окаменели.

* * *

В полдень все собрались, но Синдзюро, словно забыв о вчерашнем обещании, болтал без дела. Внезапно появился старый инспектор Фурита и поспешно принес письмо. Прочитав его, Синдзюро задорно улыбнулся:

– Ну что ж, настало время отправляться в путь. Все оказалось именно так, как я предполагал.

Когда группа прибыла в дом Мори в Комагомэ, их встретил помощник инспектора Сасы и сообщил, что всех собрали в одной комнате, как велено. Синдзюро произнес:

– Очень признателен. Я тут впервые, но не могли бы вы показать мне дом и сад?

Им показали дом, и, когда они вышли в сад к старому колодцу на заднем дворе, помощник инспектора сказал:

– Колодец уже засыпан. Сверху просто земля, но он все еще под ней. Когда хозяин вернулся из поездки, он счел этот колодец несчастливый и сразу вызвал работников, чтобы те закрыли его крышкой и засыпали так, что не осталось следов.

– Понятно. Действительно, такой злоедейский колодец хочется засыпать.

Синдзюро кивнул, а затем вдруг с удивлением забормотал:

– Э? Э? Постойте... так вот оно что... Оно здесь?

Кажется, он был весьма удивлен.

– Давайте перед допросом сделаем кое-что. Пусть это будет нашей маленькой забавой.

Синдзюро что-то прошептал инспектору Фурите. Никто не знал, что должно произойти. Фурита привел рабочих, которые убрали землю и сняли крышку. Вокруг разнесся неприятный запах.

Синдзюро заглянул внутрь:

– Колодец слишком глубокий, но запах я примерно представляю. На дне сейчас тело Саэко. Так вот оно... как и предполагалось. Убийца все это придумал. Настоящий убийца.

Работник с маской на лице спустился в колодец и вынес оттуда мертвое тело Саэко. Синдзюро не смотрел на него, а тихо держал за руку Дзютаро:

– Вы – солнце. Понимаете? Солнце не должно плакать...

Настоящий преступник уже был пойман. По просьбе всех присутствующих Синдзюро без особого воодушевления рассказал истинную суть дела.

– На следующее утро после исчезновения Саэко вы, наверное, заметили странные остатки грязи и нечистот. Следы ног, частично стертые, кое-где остались, причем принадлежали явно двум людям. Застелена была только одна кровать, но в шкафу обнаружился полностью грязный фuton с аккуратно положенными в него очками – значит, на нем кто-то спал. Рвота на чужей книге. Формально следы стерты, постель убрана в шкаф, но очевидно, что кто-то оставался на ночь. Создается видимость скрытия, но это все маскировка. Вот тут и подсказка к делу. Раз не нашли тряпку, которой стирали следы, значит, ее спрятали, а возможно, спрятали и кое-что еще. Что именно? Само собой, тело Саэко.

Убийца взял дешевую бутылку сакэ, якобы чтобы пить дома, но вместо этого решил выпить ее в ближайшем храме Эмма-до, несмотря на дождь. Он даже хотел, чтобы дождь с грозой усилились. Требовалось дожидаться момента, когда трое слуг, которые боятся грозы, утомятся, и воспользоваться этим. А если бы Токида стал приходить в себя от опьянения, нужно было снова напоить его. Сакэ предназначалось для него.

Так, когда наступила гроза, слуги и еще один человек буквально ничего не слышали. Осталась Саэко, которую он убил, – она тоже перестала существовать. И некоторое время в доме Мори оставался один человек. Хотя поводом для убийства стала ссора у «Хагэ Тако» с Токидой, план был продуман досконально, а случай сыграл на руку. Особенно учитывая, что гроза прошлой ночью продолжалась очень долго.

В результате преступления убийца получил обратно заложенное имущество. Сумма превышала тысячу иен, и это произошло в ночь обнаружения убийства. Также было известно, что преступник в тот день находился у Токиды, а деньги, очевидно, были получены от него. Таким образом, Токида подвергался шантажу. Почему? На месте это было невозможно определить.

Я решился написать Токиде письмо, чтобы доказать, что он не преступник, и выяснить, каким образом происходил шантаж. Старый Фурита принес ответ, в котором написано следующее.

Синдзюро открыл письмо и продолжил:

– Токида, будучи сильно пьян, забывал о произошедших накануне событиях. Когда он внезапно очнулся, он не понял, почему оказался именно здесь. Его разбудил Юкинари, который сидел у подушки словно грустный призрак. Токида заметил состояние Юкинари и посмотрел в сторону – рядом лежала женщина. Это была Саэко, уже мертвая. Постепенно он вспоминал детали: действительно, он хотел встретиться с Саэко, взять ее за руку, требовал у Юкинари разрешения остаться на ночь. Когда Саэко пришла, он дремал, и Юкинари, возможно, разбудил его. Когда он встал, Саэко появилась с подсвечником, он мгновенно схватил ее за руку, и она уронила подсвечник – стало темно. Потом Юкинари потерял сознание. По его словам, Токида случайно придушил Саэко. Когда Юкинари, наконец, зажег свечу, он увидел, что Токида спит,

а Саэко мертва. Придя в себя после шока, Юкинари разбудил Токиду, и тот, увидев царапины на своих руках, поверил словам Юкинари.

Тогда Юкинари решил: если он скажет, что Токида убил Саэко, то отец накажет его. Поэтому он разбил семейные драгоценности, чтобы создать видимость исчезновения Саэко. Потом они закопали тело под домом, а затем, чтобы навести подозрение на Сараясики, бросили в колодец камень. Поблизости в доме на втором этаже сидел со свечкой Имамуре Короку, который слышал плеск. Поскольку к колодцу привлекли внимание – его осмотрели в поисках тела. А не обнаружив тела, все поверили, что Саэко исчезла. По-видимому, именно в этом заключался план Юкинари. Благодаря долгой грозе тело успели спрятать. Дождавшись, когда дождь стихнет, и бросив камень в колодец, Токида покинул дом Мори. План Юкинари сработал идеально. Он даже не рассказал Токиде, что сделал с телом Саэко, хотя изначально предусматривал это. Камень, брошенный в колодец, должен был навести на мысль, что в колодце утонул человек, хотя на самом деле его там не было – это было частью плана по инсценировке Сараясики, ну и позволило повторно скрыть тело.

Самое безопасное место для сокрытия – колодец, но уже после того, как полиция тщательно проверит его. Ведь дважды в одном и том же месте искать не станут. Юкинари, вероятно, знал, что родители прикажут засыпать колодец, а если и не додумаются, он сможет им подсказать, ведь это идеальный тайник. Даже Токида не знал об этом. Так Юкинари оставался в полной безопасности и мог вечно шантажировать его. А тот всегда должен был бояться, что тело обнаружат. Если бы молния не озарила сад, план Юкинари мог так и не раскрыться.

Отсутствие тела в колодце должно навести всех на мысль, что Саэко сбежала, думал Юкинари. Он специально выделял грязные следы, чтобы показать, будто был один, хотя на самом деле их было двое, использовал очки, чтобы усилить подозрения против Токиды, – это свидетельствует о его потрясающем коварстве и дерзости.

Такова была теория Синдзюро.

* * *

Тораноскэ, склонившийся перед Кайсю, в этот раз вел себя особенно серьезно. После того как Синдзюро изложил свои выводы, он нарочно сказал с важным видом:

– То, что Юкинари шантажировал Токиду, совпадает с вашей версией, но по сути она далека от истины. Что ж, со всем уважением, единственное, в чем ваша дедукция совпала с реальностью, это то, что Юкинари обладал потрясающей дерзостью. А уж что набожные девушки на такое падки – это ужасная ошибка.

На этот раз Синдзюро дал точное объяснение, не видя даже места происшествия, поэтому Тораноскэ, похоже, был восхищен. Однако стоило учитывать, что факты для Синдзюро излагали Дзютаро и Тояма, а для Кайсю – сам Тораноскэ. Очевидно, в этом и заключалась разница, которую он не принял во внимание.

Кайсю спокойно сказал:

– Что ж, если мы оба говорили о потрясающей дерзости Юкинари – этого достаточно. Вот в этом-то и вся суть. А глупым этого не понять.

Тораноскэ удовлетворился тем, что не понял всего смысла сказанного.

История вторая. Демоническая сила

В последнее время любой, кто слышит о самоубийстве на железной дороге, сразу спрашивает: «Да ладно? А не убийство ли это?», будь то даже самый глупый человек. Поэтому велика вероятность того, что любое убийство, выданное за самоубийство, будет раскрыто. Но в годы Мэйдзи¹⁰ наверняка некоторые хитрые злодеи использовали этот прием и никто их не заподозрил. Ведь судебная медицина и криминалистика тогда еще не достигли нынешнего уровня, так что истинную причину смерти определить было невозможно. Полиция стала изучать отпечатки пальцев только в 1912 году.

Впрочем, для убийц и в те времена недостаточно развитой науки не все протекало гладко. Доказательствами вины служили слухи и репутация. Если убитый с кем-то не ладил, этого хватало, чтобы отправить человека в тюрьму. Поэтому тогда убийцы больше тревожились не об алиби или следах крови, а старались вести себя скромно, как будто и мухи не обидели. Если человек казался святым или вел себя почтительно, никто не считал бы его убийцей. Убежища надежнее, чем репутация, не было. Прятать труп и разыгрывать самоубийство бесполезно, если твое доброе имя запятнано.

И вот, где-то в провинции среди полей произошло необычное преступление с инсценировкой самоубийства. Причем не заурядного, а на железной дороге.

Современные читатели могут подумать: «Да что тут такого?» Но тогда, за десятки лет до моды прыгать с водопада Кэгон или в вулканы Михара или Нисикигаура, про эти места не знали даже учителя географии.

Создать новую моду нелегко. Кажется, за выбором водопада Кэгон или горы Михара, которые потом стали модными для самоубийств, стоял гений, который не хотел умирать в каком-то банальном месте. Такое желание, да еще и перед смертью, могло принадлежать человеку утонченному и решительному. Если уж место самоубийства стало известным и на него потом ориентировались другие, менее гениальные самоубийцы – значит, то был основатель школы.

Однако кто стал первооткрывателем самоубийства на железной дороге, точно неизвестно. Наверное, покопавшись в мэйдзийских газетах, можно найти первое упоминание, но имя гения не получило известность, возможно, потому, что тогда еще этот метод не оценили. Да и люди, которые ехали издалека к водопаду Кэгон или горе Михара, делали это намеренно, а железные дороги есть повсюду, так что вряд ли кто-то собирался в дальний путь с одной лишь целью покончить с собой.

В наши дни люди питают слабость к самоубийствам, а вот в былые времена к ним относились с отвращением. Впрочем, это мнение действительно, если рассматривать самоубийство как своего рода увлечение тех, кто сам его не совершал. Конечно, и тогда, и сейчас многие сводили счеты с жизнью. Однако в случае с водопадом Кэгон или горой Михара находились и предсмертные записки, и очевидцы прыжка, так что при всей нелюбви людей прошлого к самоубийствам отрицать их невозможно. На железных же дорогах люди часто попадали под поезд случайно. Возможно, по рассеянности.

Итак, в эпоху, когда никто и понятия не имел о самоубийстве на железной дороге, произошло убийство с инсценировкой такового. На первый взгляд это выглядит странным, но при ближайшем рассмотрении резон все же обнаруживается. Впрочем, если раскрыть его сейчас, история потеряет смысл. Тем не менее, это, вероятно, самое раннее в Японии убийство, выданное за самоубийство на железной дороге.

¹⁰ Мэйдзи – эпоха в истории Японии с 1868 по 1912 г., названная в честь девиза правления императора Муцухито, который и сам вошел в историю как император Мэйдзи.

Тело было найдено на старой линии Токайдо между станциями Кодзу и Мацуда – примерно там, где сейчас построена станция Симо-Сога. Нынешняя линия Токайдо между Одаварой, Атамой и Нумадзу возникла значительно позже. Еще в начале эпохи Сёва линия шла в обход подножия Фудзи через Кодзу, Мацуду и Готэмбу.

Сейчас Симо-Сога – маленькая станция неподалеку от Кодзу. Это место связано с именами братьев Сога. После войны здесь, на родине, поселился писатель Одзаки Кадзуо, который лечился от болезни. Так как он не мог отлучаться из дома и пить алкоголь, он слушал радио, читал журналы и выискивал какие-либо новости или интересные события.

Наверное, таков настоящий детектив: он способен, не выходя из дома, вычислить уязвимые места противника. Но по природе своей Одзаки странник, и слушать бейсбольные матчи между командами университетов Васэда и Кэйо ему не по душе. Ему не нравится быть одним из хора сиплых голосов на радио. Поэтому приходится сидеть дома взаперти, наострив слух. Так что великим детективом его не назвать. Поскольку ему скучно, он не может сидеть спокойно и, как только в деревне случается что-нибудь ужасное, у него возникает желание раздавать приказы. Но поскольку на самом деле он не детектив, преступник пойман не будет. Так что деревне Симо-Сога повезло, что это убийство случилось еще до его рождения.

Раздавленное тело обнаружили утром: голова, туловище и ноги лежали отдельно. Машинист не сообщил о происшествии, а без этого в те годы, когда телефоны еще не появились, определить, какой поезд сбил человека, было нелегко. Но по положению тела удалось определить, что жертву сбил поезд из Токио. Ночной поезд по направлению Кобе останавливался в Кодзу в 19:10. После него прошел только товарный.

Расследование выявило, что труп был сбит поездом, который ехал в Кобе, что подтвердилось брызгами крови на колесах. Машинист оказался крайне робким и упорно отрицал, что что-либо видел. Подмастерье кочегара услышал громкий стук и доложил машинисту, что что-то попало под колеса. Машинист же сделал вид, что ничего не услышал, но страшно побледнел и до самого Кобе не выпускал подмастерье на перрон, постоянно спрашивая: «Эй, ты куда?» Если же тому требовалось в туалет, то машинист выходил вместе с ним и буквально не спускал с него глаз. Когда же машиниста допросили, то он все отрицал. Однако все знали его как человека робкого, на котором не может быть никакой вины, поэтому его отпустили. Но, несмотря на молчание машиниста, на колесах поезда виднелись вполне очевидные доказательства. Поезд проехал в 19:20, через сорок минут после заката. Поблизости не наблюдалось ни домов, ни дороги – и никаких признаков железнодорожного переезда, поэтому вряд ли человека сбили случайно.

Жертвой оказался не житель деревни. Ею стал хозяин борделя в Одаваре под названием «Сикинэро», плотный коренастый мужчина лет пятидесяти, который мог похвастаться силой и даже стал одзэки¹¹ в любительском сумо. До начала эпохи Мэйдзи он был якудза, который, тем не менее, ходил с алебардой и веревкой стражника, то есть – преступник и страж закона одновременно, что типично для провинции.

Полицейский Сугая размышлял так:

– Жертва – хитрец Гамароку, хозяин «Сикинэро». В Одаваре все считают его мерзавцем. Но он точно не дурак, чтобы бросаться под поезд. Как он вообще оказался в этой деревне? И соломенные сандалии с кимоно выглядят странно для прогулки, тем более для путешествия. Да еще карманы у него пусты.

Размышления Сугая были понятны. Вряд ли Гамароку решился бы умирать в этом месте, да и многое другое оставалось загадкой. Крепкая бычья шея оказалась буквально скручена, а голова отлетела на огромное расстояние – целых десять кэнэв. Он славился своим суровым

¹¹ Второй по значимости ранг в японском сумо.

косым взглядом, от которого даже плачущие дети замолкали. Так вот, один глаз вывалился и висел на ниточке, а второй и вовсе отсутствовал.

– Говорят, по голове можно ударить так, что выскочат глаза. Значит, один глаз куда-то делся? Погодите-ка. Он же косой. Но раз он якудза, как знать, в чем там дело...

Многое оставалось непонятным. Но что бы ни думал деревенский полицейский Сугая, сделать он почти ничего не мог. Как только из Кодзу и Одавары приехали полицейские старшего чина, а также родственники Гамароку, Сугая оказался не при делах: тело забрали.

Примерно через десять дней Сугая направился в Одавара, чтобы разузнать детали случившегося. Ему сказали, что пьяный Гамароку попал под поезд. Когда он поинтересовался, что Гамароку делал в Симо-Сога, ответ был таков: путешествовал по работе. В последнее время Хаконэ, который находился неподалеку, стал популярным курортом, и Гамароку открыл там три заведения – нечто среднее между гостиницей и борделем. Ему часто приходилось подыскивать туда девушек. В регионе Сагами бытовало мнение, что лучшие для таких дел женщины обитают в горах, поэтому Гамароку подыскивал их в районе нынешней линии Одакю. Так он и оказался в Симо-Соге.

Но все-таки было странно гулять по этому району, да еще без фонаря.

– А где он пил, не знаете? – спросил Сугая.

Ему ответили:

– Какая разница? Напился и попал под поезд. – И добавили, что Сугая – изрядный зануда.

Но Сугая разозлился. Ни в Симо-Соге, ни в Кодзу, ни в Одаваре не удалось найти ни одного заведения, где Гамароку якобы пил. Тогда полицейский решил притвориться посетителем «Сикинэро» в Одаваре, выбрать самую доверчивую и разговорчивую девушку и незаметно вызнать детали о Гамароку.

Девушка рассказала:

– Наш хозяин ушел как раз накануне своей гибели. Он надел кимоно и гэта, но позже оказалось, что где-то на окраине он переоделся в соломенные сандалии и соломенную шляпу. Так он всегда делал, отправляясь в поездку. Его жена сказала, что он взял около трех тысяч иен. Деньги немалые. Говорят, его нашли без денег и без шляпы. Враги-то у него есть, а вот почему его убили, непонятно. Якудза – страшные люди.

Сугая удивился. Собравшись с духом, он решил спросить про глаза Гамароку:

– Говорят, у Гамароку не было одного глаза. А второй, наверное, вставной?

– Вставной глаз? Зачем это ему, он же косой! Пугать кого-то? Да ты в своем уме?

После этих слов энтузиазм Сугая поутих. Он понял, что раз девушка говорит такое, то полиция тем более в курсе. Возможно, они считают, что это разборки между якудза, потому и заминают дело. И только он один изображает из себя великого детектива. Так что и лезть сюда не стоит. Вот что решил Сугая.

* * *

Но затем случилось нечто еще более странное.

На некотором расстоянии от Симо-Соги, в долине, что в форме глиняной ступки, в горах Тандзава, раскинулась роща, где растут кипарисы. Она не общественная: у нее есть владелец и стражник. В годы Токугава за незаконную вырубку кипарисов порой казнили. Поэтому, несмотря на огромное количество ценной древесины для плотников и строителей, редко кто осмеливался ступить в эту рощу.

Вдруг оттуда выбежал крупный бык. Он несся как безумный: выгнув спину, перекатываясь и подпрыгивая, как резиновый мячик, вот только размером с небольшую гору. Бык прибежал в деревню и пронесся мимо напуганных жителей, остановился в Симо-Соге, у конюшни Нагарэмэ. То был его бык, Бэнкэй.

Рога и морда Бэнкэя были покрыты кровью. Все переполошились. По пути никто не пострадал – значит, причина появления крови на рогах быка таилась где-то в горах.

Поскольку Нагарэмэ куда-то делся, местные жители подумали, что бык забодал до смерти именно его. Такое в деревнях случалось. Нагарэмэ носил прозвище Хвороглазый – потому, что с детства страдал болезнью глаз. Из них вечно что-то текло, и над ним все смеялись. Поэтому на людей он был зол, да и на быка, наверное, тоже. Вот жители деревни и решили, что Нагарэмэ убил бык, поэтому собрались и направились по следам Бэнкэя в горы. Следы вывели их к тропинке, которая тянулась к запретной кипарисовой роще, где и обнаружился труп. А еще они увидели человека, попытавшегося улизнуть, но успели поймать его. Внезапно это оказался Нагарэмэ. Он заявил, что не знает, кому принадлежат останки.

Тело дважды было пронзено рогами быка. Других ран на нем не нашлось – значит, бык и стал причиной смерти. Нагарэмэ сказал, что рубил деревья поодаль. Когда он работал, то привязывал быка в тайном месте, где никто бы его не заметил. Он приходил ночью, работал весь день и возвращался тоже ночью. Такую тайную жизнь он вел примерно год, но поскольку в деревне он работал еще и угольщиком, причем единственным, никто его не подозревал.

Полицейский Сугая тоже участвовал в расследовании и изучил загадочный труп перед тем, как его передали в участок.

При осмотре тела выяснилось, что убитый одет в кимоно и соломенные сандалии, как и Гамароку. Вещей у него тоже не оказалось. Оба глаза на месте, но правая рука сломана в нескольких местах, вероятно, после схватки с быком. Четыре параллельные раны на груди и животе указывали на то, что он упал на бок и был дважды пронзен рогами.

Если бы бык зашиб его стоя, остались бы по две сквозные раны на груди или животе. А четыре параллельные раны указывали, что он лежал. Раны на животе были глубокими – кажется, бык просто нанизал его на рога, да так, что из живота вылетели внутренности.

– Видимо, покойный хотел убежать от быка, но не сумел. Упал, вот его и насадили. Но это странно. Бык ведь зашиб его спереди. А во рту грязь, словно он упал лицом вниз. И в носу тоже грязь. Может, он споткнулся, перевернулся на живот, и в корчах помер? Но руки-то чистые. И выглядит прилично – что он делал в горах?

Так размышлял полицейский Сугая. Но раз виновным был бык, то проблемой оказалась тайная работа Нагарэмэ. Еще бы: узнать, что кто-то промышляет такими делишками, за которые в годы Токугава даже казнили!

Когда же личность покойного установили, все поразились. Он оказался не только из Одавара, но из того же квартала, что и Гамароку. Звали его Амабодзу, и был он хозяином «Ханабуса-но ю», борделя через дорогу от того, которым владел Гамароку.

В «Ханабуса-но ю» работали банщицы. Пользуясь знаниями о местности, Амабодзу умело вел дела. Также он принимал заказы на постройку и держал рыбацьи лодки. В отличие от Гамароку, якудза, который действовал силой, Амабодзу был хитер и мог невозмутимо вытворять невозможные вещи, тем самым составляя достойную конкуренцию Гамароку.

Гамароку искал красивых девушек. В этом заключалась единственная стратегия противостояния Амабодзу. Одной силой или хитростью соперничать с ним было невозможно. В общем, тут и шла борьба. Конечно, Амабодзу прекрасно понимал, что Гамароку будет искать девушек в горах Сагами.

Дома же он строил отдельные, для жителей, и рекламировал их, утверждая, что знает секреты архитектуры всех веков, начиная от эпохи Суйко вплоть до наших дней, и что он способен воссоздать любой стиль. Он постоянно говорил, что его постройки однажды станут национальным достоянием, но на самом деле в архитектуре нисколько не разбирался. Амабодзу повторял вещи, лишённые всякой логики и оснований, а его уловка заключалась в том, чтобы умалять достоинства соперников и не бояться. Поскольку он общался с дилетантами,

это работало, и, по-видимому, его высоко ценили. Когда я бывал в Одаваре, то встретился с плотником, который когда-то с ним работал (еще будучи мальчишкой), и тот рассказал о нем.

Потому понятно, почему Амабодзу отправился в Тандзаву – и для поиска девушек, и с целью строительства.

Однако Нагарэмэ был не так прост. Скорее, он был подонком, причем даже не хитроумным, а туповатым. Поэтому простой человек вряд ли мог понять, какие у него тревоги, опасения и что у него на уме.

Нагарэмэ сказал, что не видел мертвого Амабодзу. Так он ставил себя в невыгодное положение. Зачем тогда он рубил деревья? Ведь явно не для своего дома и не для угольщика. Поэтому пришлось его допрашивать.

Но Нагарэмэ оставался невозмутимым. Заявив на предыдущем допросе, что время от времени рубил деревья с прошлого года, теперь он это отрицал и спокойно утверждал, что в тот день отправился рубить впервые. На все упреки во лжи он невозмутимо отвечал, что такого не говорил.

Однако следы рубки в роще явно показывали, что деревья валили с прошлого года. Но даже тут Нагарэмэ бровью не повел. Он повторял: «Я рубил деревья только в тот день. Остальное – наверняка дело рук О-Тацу. Я видел, что она несла крупные бревна, такие, что даже бык не смог бы поднять».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.